

КАРЕЛИН Владимир Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент Мурманского института экономики – филиала Санкт-Петербургского университета управления и экономики. Автор 101 научной публикации

ЗАЙКОВ Константин Сергеевич, кандидат исторических наук, директор Арктического центра стратегических исследований Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 35 научных публикаций

ПРОБЛЕМА СААМСКИХ СЕРВИТУТНЫХ ПРАВ В ПОГРАНИЧНЫХ ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ И НОРВЕГИИ В НАЧАЛЕ XX века

Статья посвящена одному из наиболее острых вопросов в истории российско-норвежских пограничных отношений начала XX столетия, а именно саамским сервитутам, или лопарским промыслам, в Норвегии. Этот вопрос возник после разграничения российско-норвежских «общих округов» в 1826 году и впоследствии принятия пограничных правил, утвержденных дополнительным протоколом 1834 года. Результатом установления границы и введения правил трансграничных промыслов стали разрушение традиционной системы природопользования саамов, коренных русских жителей российско-норвежского пограничья, и ущемление их промысловых прав в Норвегии. Авторы исследуют историю данного вопроса как внутри России, так и в рамках российско-норвежских отношений начала XX столетия. Проблема саамских сервитутных прав повлияла на эволюцию восприятия пограничного договора 1826 года элитой Российской империи, осознание центральной властью несправедливости установленных рубежей для жителей Архангельской губернии, возобладание ревизионистских тенденций среди центральной власти, которым, однако, не суждено было реализоваться в начале XX века в связи с изменением геополитической обстановки в Арктическом регионе. Обретение независимости Норвегией в 1905 году и в то же время асимметричность восприятия двусторонних отношений породили в Норвегии чрезмерную политизацию вопроса о статусе саамских сервитутов, желание их ликвидации. Для того чтобы сгладить возможные конфликты с молодым норвежским государством, российские центральные власти были вынуждены отказаться как от дальнейшего обсуждения вопроса о ределимитации границы, так и от защиты промысловых прав русских саамов в Норвегии в пользу их продажи. Данное исследование основано на архивных источниках, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: пазрецкие саамы, саамские сервитуты, трансграничные промыслы, пограничные отношения России и Норвегии.

Вопрос о сервитутных правах саамов восходит к Конвенции о норвежско-русской границе 1826 года (*рис. 1*) [1–7]. При ее заключении речь шла о юрисдикции территории обитания 3 православных саамских общин: нявдемских (нейденских) саамов, пазрецких, а также печенгских

(*рис. 2*). Все они в весенне-летний период вели морские рыбные промыслы на побережье Баренцева моря [3, 8–12].

Командированному для проведения разграничения уполномоченному от России, судя по инструкции, настоятельно рекомендовалось

Рис. 1. Карта российско-норвежской границы 1826 года: — — линия государственной границы, — — границы саамских сийит¹

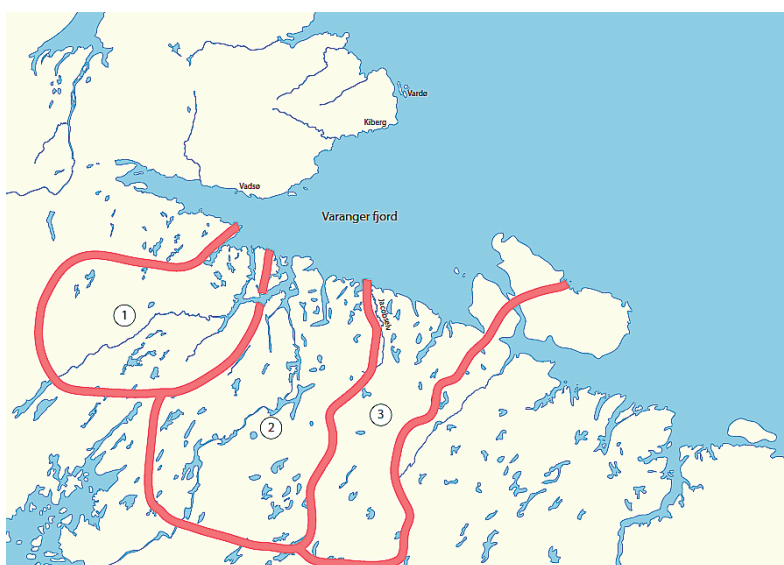

Рис. 2. Карта трех саамских сийит, составлявших «общие округа» Норвегии и России в XVII – начале XIX века: 1 – Нявдемский сийит, 2 – Пазрецкий сийит, 3 – Печенгский сийит²

¹См. Приложение № 1 в: [3, с. 522].

²См. Приложение № 7 в: [3, с. 530].

руководствоваться установившимися в тот период времени между Петербургом и Стокгольмом «отношениями доброго согласия» [1, с. 28; 2, с. 93].

Предупредительность российской дипломатии объяснялась тем, что в глазах императора Александра I Шведско-Норвежское королевство являлось важным элементом Венской системы и Священного союза, а также гарантией обеспечения безопасности северных границ России от Великого княжества Финляндского до Мурмана [13, с. 160–165].

В инструкции внимание привлекает пункт, в котором говорится, что уполномоченному поручается «разрешить ко взаимному согласию вопрос о разделе округов, которые будут признаны совладениями обоих государств, принимая во внимание, главным образом, различия в вероисповеданиях», а кроме того, «сохранить за лопарями после проведения демаркации право <...> переходить с одной территории на другую, чтобы вести рыбную ловлю или охоту» [1, с. 28]. Каким же оказался результат?

Казалось, урегулирование должно было способствовать окончательному устранению несогласий по поводу пограничных отношений, однако пограничная черта породила и проблемы. Одной из них стала гарантия обеспечения прав саамов на использование традиционных мест морских рыбных промыслов и охоты [7, с. 134].

По итогам разграничения нявдемские и пазрецкие общины лопарей лишились традиционных мест морского рыбного промысла и охоты на морском побережье. Однако, согласно ст. VII Конвенции, которая действовала 6 лет («впредь до нового соглашения»), лопари получили сервитутное право переходить на норвежскую сторону для морских промыслов. Чтобы сохранить традиционный уклад хозяйства, нявдемские православные лопари вынуждены были, в конце концов, перейти в норвежское подданство.

Новое, уже бессрочное соглашение, которое конкретизировало сервитут, было закреплено Петербургским протоколом от 6/18 августа 1834 года³. Касалось оно лопарей Пазрецкого погоста, сохранивших российское подданство. Формально документ должен был лишь закрепить и уточнить саамские привилегии – на деле он их существенно сузил. Вместо традиционной ловли «всякой» морской рыбы за лопарями сохранялось право на ведение лишь семужьего промысла, причем лишь в определенные периоды (весна–лето) и только теми примитивными орудиями лова, которые употреблялись лопарями до 1834 года. К тому же право ловли семги свелось к пользованию лишь строго определенными тонями: 8 в Пазрецкой губе и 4 в Ровдинской губе⁴.

По мере успехов норвежской колонизации Финнмарка и его хозяйственного освоения произошло наступление местных жителей на привилегии лопарей, которое выразилось в столкновениях и захвате лопарских тоней. Заступничество российского консула в Финнмарке перед местными властями оказалось крайне неэффективным, оно затруднялось отсутствием в протоколе 1834 года конкретных условий его исполнения, чем и пользовались норвежцы и квены.

В 1890-х годах российский МИД предложил норвежским властям совместно произвести точную опись лопарских тоней с топографической съемкой и нанесением их на планы. В итоге в 1899 году было достигнуто соглашение о создании комиссии, в которую с российской стороны вошли консул в Финнмарке и офицер Генерального штаба. Однако комиссары обеих сторон к полному согласию прийти так и не сумели. Дело было перенесено на уровень переписки дипломатических ведомств.

В чем же заключались непримиримые разногласия? Российский МИД жестко настаивал на том, что вопрос должен быть рассмотрен на базе ст. VII Конвенции 1826 года о сохранении

---

³РГИА (Рос. гос. ист. арх.). Ф. 1284. Оп. 190. Д. 227. Л. 45.

⁴Там же. Ф. 387. Оп. 28. Л. 40–41 об. Справка по вопросу о продаже прав лопарей Пазрецкого погоста на ловлю семги в водах Пазрецкой и Ровдинской губ.

традиционных прав лопарей на морской рыбный промысел на норвежской территории. Шведско-норвежская позиция основывалась на приоритетности положений Протокола 1834 года, который заметно сузил и ограничил права пазрецких лопарей.

Принципиальное различие позиций не могло не завести переговоры в тупик. В итоге дипломатическая переписка застопорилась – с 1903 года за неполучением ответа от Стокгольма в ней наступила затянувшаяся пауза. На этом этапе российский МИД жестко настаивал на сохранении за лопарями «исконных их прав и обычаев» ведения промыслов, что, по мнению официального Петербурга, «являлось крайне умеренным вознаграждением за уступки, сделанные Россией при проведении новой границы».

Каковы бы ни были основания переговорной позиции, занятой в тот момент царской дипломатией, нельзя не признать, что юридически она была заведомо слабой, ведь под протоколом 1834 года стояли подписи и российских представителей. Кроме того, Стокгольм в условиях, когда шведско-норвежская уния переживала жестокий кризис, не мог, не потеряв при этом лица, добровольно пойти на серьезные уступки за счет норвежской стороны.

После разрыва шведско-норвежской унии в 1905 году начался новый этап переговоров. Саамский вопрос стал рассматриваться в Петербурге в совершенно новом политическом контексте. Руководители российской дипломатии стремились изначально установить дружественные отношения с молодым независимым государством, добиться ликвидации Ноябрьского трактата 1855 года и заменить его коллективными гарантиями великих держав с участием России [14, 15].

В Петербурге предпочли бы в будущем видеть Норвегию постоянно нейтральной страной. Кроме того, царская дипломатия рассчитывала на сотрудничество с Норвегией в Шпицбергенском вопросе, важном с точки зрения

безопасности Мурмана и Русского Севера в целом. С учетом этого была составлена инструкция для первого российского посланника в Христиании А.Н. Крупенского⁵.

Норвежское правительство, состоявшее в значительной мере из крупных дельцов, с удовлетворением приняло горячие уверения посланника о дружественных намерениях России. И, будучи прагматичным, оно постаралось извлечь для соседней страны максимум практической пользы из благоприятной политической конъюнктуры. Представители МИД Христиании были заинтересованы в широкой поддержке норвежских интересов российской стороной на предстоящих переговорах. Речь шла о нескольких наиболее важных вопросах.

Во-первых, о благожелательном отношении Петербурга к намерению Норвегии получить от великих держав коллективные гарантии ее безопасности и нейтралитета (здесь норвежские интересы вполне совпадали с намерениями царской дипломатии). Во-вторых, по норвежской инициативе вскоре начались переговоры сторон относительно согласия российских властей на строительство на пограничной р. Паз гидроэлектростанции, необходимой первому и крупнейшему в Норвегии, открытому в 1906 году в Киркенесе железорудному предприятию. Компания, созданная при поддержке правительства, была призвана привлечь на Север рабочую силу и ускорить «норвегизацию» Финнмарка [18–20]. И, наконец, в-третьих, правительство Христиании первоначально надеялось, что Россия не станет препятствовать укреплению норвежского влияния на Шпицбергенском архипелаге [16, с. 94–95; 20, с. 52].

Что же касается вопроса о саамских пограничных сервитутах, поднятого Крупенским в переговорах с норвежским министром иностранных дел, норвежское правительство выдвинуло встречное предложение, которое полностью находилось в русле политического курса, направ-

---

⁵Признание Россией норвежского независимого государства: сб. док. / сост. В.В. Похлёбкин. М., 1958. С. 74, 75–76.

ленного на консолидацию национальной территории и ресурсов.

Суть его Извольский изложил в письме Столыпину в ноябре 1906 года: «Норвежское министерство признало ошибочным принцип обязательности (постановлений) Протокола 1834 года, который Стокгольмский кабинет пытался положить в основу разрешения вопроса. С другой стороны, затруднилось признать наши требования и обратилось в российский МИД с предложением о выкупе всех прав у лопарей»⁶.

От изложения более конкретных условий сделки норвежские власти воздержались. В ожидании реакции Петербурга предложение было сформулировано ими лишь «в принципе». Нужно полагать, в Христиании не торопились, поскольку хорошо понимали, что время работает на них. Тем не менее и сам А.П. Извольский, и его советники в министерстве посчитали норвежское предложение России в целом «в политическом отношении» выгодным, ибо, во-первых, оно позволяло устранить поводы к «постоянным пререканиям между соседями», а во-вторых, и это главное, судьба саамских сервитутов, по убеждению МИД, была уже предрешена: тони лопарей частично были уже заброшены.

«В близком будущем, – писал министр, – с открытием близ Киркенеса <...> по соседству с Пазрецким заливом железной руды, разработка которой уже началась и должна привлечь массу новых норвежских поселенцев, всякие стеснения лопарского промысла неминуемо еще увеличатся и поведут к фактическому вытеснению русских лопарей»⁷. Учитывая эти факты и соображения, Извольский почтительно просил П.А. Столыпина дать заключение МВД о возможности сделки.

Пётр Аркадиевич Столыпин, призванный Николаем II на пост премьера и министра внутренних дел в разгар революционных событий, находился в тот момент в зените славы. Он был

кумиром всех правых партий: от крайне националистических до октябристов. Именно он провозгласил национальный подъем и укрепление могущества империи как главную цель правительства. Ее выразили ставшие крылатыми слова из известной речи премьера: «Нам нужна великая Россия!» Но с этим лозунгом плохо соприлагались сколько-нибудь серьезные уступки соседям за счет интересов великой державы.

О негативной реакции на запрос Извольского в окружении Столыпина можно судить со слов его помощника и заместителя (товарища) в МВД С.Е. Крыжановского. В письме архангельскому губернатору последний подчеркнул, что обсуждаемый вопрос «о захвате норвежским правительством (NB!) лопарских промыслов» есть «вопрос первостепенной важности»⁸. Губернатору предписывалось подвергнуть его «всесторонней разработке», а также провести опрос самих пазрецких лопарей.

Архангельский губернатор Иван Васильевич Сосновский пользовался доверием премьера, своим назначением в Архангельск (ноябрь 1907 года) он был обязан личной инициативе Столыпина. Сосновский был опытным и энергичным администратором – «государственником», верившим в прогресс и науку, в творческий потенциал столыпинских преобразований, поборником широких правительственных мер поддержки развития Русского Севера.

Время шло, но ответа не было. Между тем дипломатическое ведомство накануне переговоров о Шпицбергене торопилось наладить сотрудничество с норвежскими властями. Дважды (в январе и июне 1908 года) МИД напоминал МВД об ожидании заключения⁹.

В июле 1908 года И.В. Сосновский отправился в поездку на Мурман, результатом которой стал его доклад П.А. Столыпину. Губернатор наметил программу преобразования края, но

⁶РГИА. Ф. 387. Оп. 28. Д. 672. Л. 50–53 об. Копия письма министра иностранных дел А.П. Извольского министру внутренних дел П.А. Столыпину (30 ноября 1906 г.).

⁷Там же.

⁸Там же. 49 об.

⁹Там же. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 227. Л. 13–15.

помимо этого подготовил и отдельную записку по лопарскому вопросу. Столыпиным она, судя по архивным документам, была одобрена и послужила основой для ответа А.П. Извольскому¹⁰.

По сведениям Сосновского, на Паз-реке вели деятельность 26 лопарских домохозяйств (включая 62 души мужского и 60 женского пола)¹¹. В семужьем промысле они испытывали стеснения. Местные жители ограничивали их в пользовании береговой полосой, запрещали брать на промысел семьи и приводить овец. В промежутках между лопарскими тонями норвежские промысловики ставили большие сети («кильноты»), заграждавшие ход семги в лопарские сети-ловушки («гарвы»); во время ловли мелкой рыбы, служившей наживкой на промысле трески, норвежские рыбаки окружали бухты большими неводами и вместе с рыбой забирали в них лопарские гарвенные сети.

В результате часть лопарей забросила семужий промысел и ушла в глубь Лапландии. В 1906 году из 12 тоней, которые числились за лопарями, использовались только 4 в Пазрецкой губе. В 1907–1908 годах в фактическом пользовании лопарей находилось только 5 тоней.

Опрос лопарей был проведен 6 февраля 1907 года. Его организовали архимандрит Печенгского монастыря Ионафан, священник Пазрецкого прихода Щеколдин и чиновник по крестьянским делам Мухин. Лопари «единогласно и решительно» высказались против выкупа норвежцами их прав. Причиной они называли лишение их надежного хорошего заработка. Действительно, рыночная стоимость семги за предшествующие 30 лет возросла в 4 раза: с 3 до 12 р. за пуд. «Мы, – говорили они, – теперь сами порицаем своих прадедов за то, что они уступили землю норвежцам. А дети наши <...>, когда мы за тони возьмем выкуп, еще строже будут судить нас»¹².

Лопари настаивали, чтобы российские власти помогли вернуть им их права в прежнем объеме. Архимандрит Ионафан, священник Щеколдин и чиновник А.А. Мухин («знаток крестьянского быта») поддержали лопарей. Местные власти считали, что пазрецкие лопари могут покинуть берега Паз-реки и уйти в глубь тундры либо переместиться к побережью п-ва Рыбачий. В этом случае пограничная полоса лишится православного и русскоязычного населения, а без прихожан запустеет церковь Бориса и Глеба – символ русского присутствия на Крайнем Севере.

Губернатор И.В. Сосновский, желая занять компромиссную позицию, сформулировал МВД альтернативные предложения¹³. Он считал, что если ничего не предпринять, то рыбный промысел вскоре вовсе ускользнет из рук лопарей, но и выкуп норвежскими властями прав лопарей грозит их уходом из традиционных мест обитания по Паз-реке. В свою очередь уход лопарей повлечет заселение Паз-реки колонистами, норвежцами и финляндцами, поэтому в целях укрепления государственной границы важно как удержать на Паз-реке лопарское население, так и привлечь сюда русских переселенцев.

Вместе с тем предполагаемую уступку со стороны норвежских властей он полагал односторонней и потому нереалистичной. Губернатор предложил, как ему казалось, компромисс. Суть его заключалась в том, что российская сторона отказывается от прав лопарей на 4 уже заброшенные лопарские тони в Ровденском заливе. Взамен предполагалось выговорить право лопарей вести промысел на 8 остальных пазрецких тонях «на одинаковых основаниях с норвежскими промышленниками».

П.А. Столыпин полностью поддержал идею губернатора. Одновременно в МВД подготовили законопроект стратегического свойства.

---

¹⁰РГИА. ... Л. 19 об., 20–24.

¹¹По другим сведениям – 27 или даже 28 домохозяйств.

¹²РГИА. Ф. 387. Оп. 28. Л. 45–48 об. Отношение губернатора С.Д. Бибикова Главноуправляющему землеустройства и земледелия (15 июля 1913 г.).

¹³Там же. Л. 54, 57 об. Копия записки губернатора И.В. Сосновского министру внутренних дел о положении пазрецких лопарей (октябрь 1908 г.).

Он имел целью, с одной стороны, остановить иностранную колонизацию Мурмана и урезать права иностранных колонистов в пограничной полосе. Но, с другой, и это было главной задачей, – плотно заселить долину р. Паз и Мурманское побережье русскими колонистами-переселенцами. Сплошной зоной действия будущего закона объявлялась 100-верстная полоса вдоль всего течения правого берега р. Паз и начиная от морской границы с Норвегией далее по Мурманскому берегу до мыса Святой Нос¹⁴.

По нашему мнению, законопроект в целом не выходил из общей логики столыпинских реформ. Здесь встречаются все та же идея создания слоя крепких хозяев-собственников как опоры государственного режима, активное использование правительством механизмов переселенческого движения и националистический лозунг «Россия для русских», под знаменем которого шло ограничение прав «иногородцев» и иностранцев.

Проект закона с сентября 1910 года по март 1911-го успешно прошел межведомственное согласование и к лету был готов для внесения в Государственную Думу, но случилось непредвиденное. К этому времени П.А. Столыпин внезапно погиб от полученного в Киеве смертельного ранения. В конце того же года И.В. Сосновский был переведен из Архангельска, а законопроект о реформах на Мурмане был отложен и забыт.

Весной 1912 года, накануне второй шпицбергенской конференции, МИД предпринял новую попытку добиться реализации сделки по выкупу норвежскими властями саамских сервитутов на Паз-реке. С.Д. Сазонов направил

министру внутренних дел А.А. Макарову письмо с настойчивой просьбой решить лопарский вопрос в духе предложения о выкупе¹⁵. Саамские сервитуты, убеждал он, даже в объеме Протокола 1834 года «ненавистны» норвежцам, не говоря уже о перспективе их расширительного толкования (пограничная Конвенция 1826 года). Это подтвердил и зондаж, предпринятый российским посланником в Христиании. Убедительных юридических аргументов для восстановления саамских сервитутов в объеме, предусмотренном Конвенцией 1826 года, в распоряжении МИД не нашлось. С другой стороны, законодательство Норвегии с его развитым институтом частной собственности не допускало наделения иностранцев правами, каких не было и у норвежских граждан.

Таким образом, заключал С.Д. Сазонов, вытеснение лопарей фактически предрешено и идет оно так быстро, что лопари скоро сами окончательно откажутся от своих прав. И в этом случае, конечно, не получают никакой компенсации. Сазонов настаивал на вторичном опросе пазрецких лопарей в присутствии российского консула в Финнмарке, и на сей раз Министерство внутренних дел ответило согласием¹⁶. Таким образом, позиция МИД возобладали. Но как дальше развивались события?

Новый опрос лопарей состоялся весной 1913 года, Акт проведения датирован 19 марта¹⁷. Из 27 пазрецких домохозяев в нем участвовал 21. Большинство было вынуждено согласиться с аргументами властей, однако пятеро от подписи категорически отказались.

---

¹⁴РГИА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 93. Л. 6–9 об. Проект закона «О мерах к упрочению преобладания русского элемента среди оседлого населения на Мурмане».

¹⁵Там же. Ф. 387. Оп. 28. Л. 59–64 об. Копия письма министра иностранных дел С.Д. Сазонова министру внутренних дел (28 марта 1912 г.).

¹⁶Там же. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 227. Л. 25–28 об., 29. Резолюция товарища министра внутренних дел гласила: «Очевидно, остается только поддержать мысли Министра Иностранных Дел и озаботиться тем, чтобы выкуп был проведен в исполнение в возможной скорости и наиболее выгодных условиях». Предполагалось, что размер выкупа должен составлять от 5 до 6 тыс. р. платы ежегодной ренты (Ф. 387. Оп. 28. Л. 41. Телеграмма Архангельского вице-губернатора в МВД от 9 июля 1913 г.).

¹⁷Там же. Л. 48.

¹⁸Там же. Л. 56 об.

И все-таки по имеющимся в нашем распоряжении архивным документам дальнейший ход дела о выкупе саамских сервитутов замедлился. Окончательное решение находилось в компетенции Совета министров¹⁸, однако оно, по-видимому, не было принято. Возможно, помешала поднятая весной и летом 1913 года националистической печатью и правыми депутатами Государственной Думы шумная анти-норвежская кампания в защиту «русских прав» на Мурмане [17, с. 60–70]¹⁹.

Выяснить истинную причину задержки хода дела могли бы новые архивные разыскания. Но как бы то ни было, до войны вопрос

был фактически заморожен. Мировая война, в свою очередь, отодвинула саамский вопрос на второй план, а русская революция привела к кардинальным изменениям границ бывшей Российской империи. 14 октября 1920 года по условиям Тартуского советско-финляндского мирного договора территория долины Паз-реки с местным лопарским населением и областью Петсамо отошла Финляндии. Спустя некоторое время операция выкупа саамских сервитутов все же была осуществлена [6, с. 62–63], но уже благодаря соглашению, достигнутому между норвежским и финляндским правительствами²⁰.

Список литературы

1. *Рогинский В.В.* Конвенция 1826 г. о разграничении между Норвегией и Россией как дипломатическая проблема // Вестн. «Баренц-центра» МГПУ. 2008. № 7. С. 25–30.
2. *Зайков К.С., Тамитский А.М.* Россия и Норвегия – Пограничная комиссия 1825 года. Мифы и реальность // Международные отношения на Европейском Севере и в Арктике в первой четверти XX века: исторический опыт и современность / сост. В.И. Голдин, Т.И. Трошина. Архангельск, 2015. С. 91–97.
3. *Goldin V.I., Zaikov K.S., Tamitskiy A.M.* Sami in the History of the Norwegian-Russian Borderland: Factor of Tension or Regional Integration? // *Bylye Gody*. 2015. Vol. 37, № 3. P. 519–535.
4. *Zaikov K.S., Nielsen J.P.* Mot en ny grense: Traktaten av 1826. Russland kommer nærmere // *Norge og Russland 1814–1917*. Oslo, 2014. S. 38–58.
5. *Nielsen J.P.* The Murman Coast and Russian Northern Policy. Ca 1855–1917 // *In the North My Nest Is Made: Studies in the History of the Murman Colonization. 1860–1940* / ed. by A. Yurchenko, J.P. Nielsen. St. Petersburg, 2005. P. 10–27.
6. *Парели Л.* Саамы – коренные жители пограничья // Россия и Норвегия: сквозь века и границы: кат. выставки / под ред. Д. Бюхтен, Т. Джаксон, Й.П. Нильсен. М., 2004. С. 62–63.
7. *Ермолаев Д.* Приграничные отношения в районе Западного Мурмана (конец XIX – начало XX веков) // Русский Север и Север Европы в XVII–XX веках: проблемы изучения истории регионов и межрегиональных отношений: материалы 2-й Рос. метод. шк. аспирантов и молодых преподавателей / сост. А.В. Репневский, Р.В. Пересядило, О.В. Зарецкая. Архангельск, 2005. С. 119–154.
8. *Ушаков И.Ф.* Соседи на Крайнем Севере. Россия и Норвегия от первых контактов до Баренцева сотрудничества. Мурманск, 2001.
9. *Ушаков И.Ф.* Избранные произведения. Т. 1. Кольская земля. Мурманск, 1997.
10. *Попов Г.П., Давыдов Р.А.* Мурман. Очерки истории края XIX – начала XX в. Екатеринбург, 1999. С. 18–26.
11. *Niemi E.* Border Minorities Between State and Culture // *Russia – Norway. Physical and Symbolic Borders* / ed. by T.N. Jackson, J.P. Nielsen. M., 2005. P. 69–79.

---

¹⁹РГИА. Ф. 387. Оп. 28. Л. 34 об., 35 об., 36, 43. Письмо председателя Главного Совета Союза русского народа Н. Маркова Главноуправляющему земледелия и землеустройства (18 марта 1913 г.). Упомянутые публикации имели место в столичных газетах «Новое время» и «Вечернее время».

²⁰В 1924 году Финляндия подписала договор с Норвегией, по которому пазрецькие саамы теряли права на вылов рыбы в фиордах в обмен на денежную компенсацию. На каждого из приблизительно 140 пазрецьких саамов приходилось по 6 крон.

ИСТОРИЯ

---

12. Ниemi Э. Нейдесаамы – соседи России // Страх и ожидания. Россия и Норвегия в XX веке / под ред. В.И. Голдина, Й.П. Нильсена. Архангельск, 1997. С. 220–244.
13. Кан А.С. Швеция и Россия – в прошлом и настоящем. М., 1999.
14. Бацис П.Э. Русско-норвежские отношения в 1905–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1973.
15. Касиян А.С. Россия и Норвегия, 1905–1914 гг.: Становление дипломатических отношений: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.
16. Карелин В.А. Российские деловые интересы на архипелаге Шпицберген (1905–1925 гг.): исследование правительственной политики и предпринимательской инициативы. Мурманск, 2011.
17. Карелин В.А. Инцидент в январе 1913 года на Паз-реке на праздник Крещения и его политическое «эхо» // Вестн. «Баренц-центра» МГПУ. 2006. Вып. 5. С. 60–70.

References

1. Roginskiy V.V. Konventsiya 1826 g. o razgranichenii mezhdru Norvegiy i Rossii kak diplomaticheskaya problema [1826 Convention on Border Delimitation Between Norway and Russia as a Diplomatic Issue]. *Vestnik "Barents-tsentra" MGPU*, 2008, no. 7, pp. 25–30.
2. Zaykov K.S., Tamitskiy A.M. Rossiya i Norvegiya – Pogranichnaya komissiya 1825 goda. Mify i real'nost' [Russia and Norway: The Boundary Commission of 1825. Myths and Reality]. *Mezhdunarodnye otnosheniya na Evropeyskom Severe i v Arktike v pervoy chetverti XX veka: istoricheskiy opyt i sovremennost'* [International Relations in the European North and in the Arctic Region in the First Quarter of the 20th Century: Historical Experience and the Present]. Comp. by V.I. Goldin, T.I. Troshina. Arkhangelsk, 2015, pp. 91–97.
3. Goldin V.I., Zaikov K.S., Tamitskiy A.M. Sami in the History of the Norwegian-Russian Borderland: Factor of Tension or Regional Integration? *Bylye Gody*, 2015, vol. 37, no. 3, pp. 519–535 (in Russian).
4. Zaikov K.S., Nielsen J.P. Mot en ny grense: Traktaten av 1826. *Russland kommer nærmere. Norge og Russland 1814–1917*. Oslo, 2014, pp. 38–58.
5. Nielsen J.P. The Murman Coast and Russian Northern Policy ca. 1855–1917. *In the North My Nest Is Made: Studies in the History of the Murman Colonization 1860–1940*. Ed. by A. Yurchenko, J.P. Nielsen. St. Petersburg, 2005, pp. 10–27.
6. Pareli L. Saamy – korennye zhiteli pogranich'ya [The Sami: The Indigenous Borderland Population]. *Rossiya i Norvegiya: skvoz' veka i granitsy: kat. vystavki* [Russia and Norway: Through Centuries and Borders: Exhibition Catalogue]. Ed. by D. Büchten, T. Jackson, J.P. Nielsen. Moscow, 2004, pp. 62–63.
7. Ermolaev D. Prigranichnye otnosheniya v rayone Zapadnogo Murmana (konets XIX – nachalo XX vekov) [Cross-Border Relations in the Western Murman (Late 19th and Early 20th Centuries)]. *Russkiy Sever i Sever Evropy v XVII–XX vekakh: problemy izucheniya istorii regionov i mezhregional'nykh otnosheniy: materialy 2-y Ros. metod. shk. aspirantov i molodykh prepodavateley* [Russian and European North in the 17th – 20th Centuries: Studying the History of the Regions and Interregional Relations]. Comp. by A.V. Repnevskiy, R.V. Peresadilo, O.V. Zaretskaya. Arkhangelsk, 2005, pp. 119–154.
8. Ushakov I.F. *Sosedi na Kraynem Severe. Rossiya i Norvegiya ot pervykh kontaktov do Barentseva sotrudnichestva* [Neighbours in the High North. Russia and Norway from the First Contacts to the Barents Cooperation]. Murmansk, 2001.
9. Ushakov I.F. *Izbrannye proizvedeniya. T. 1. Kol'skaya zemlya* [Selected Works. Vol. 1. The Kola Land]. Murmansk, 1997.
10. Popov G.P., Davydov R.A. *Murman. Ocherki istorii kraya XIX – nachala XX v.* [Murman. Essays on the Region's History of the 19th and Early 20th Centuries]. Yekaterinburg, 1999, pp. 18–26.
11. Niemi E. Border Minorities Between State and Culture. *Russia – Norway. Physical and Symbolic Borders*. Ed. by T.N. Jackson, J.P. Nielsen. Moscow, 2005, pp. 69–79.
12. Niemi E. Neydessaamy – sosedi Rossii [Neiden River Sami – Russia's Neighbours]. *Strakh i ozhidaniya. Rossiya i Norvegiya v XX veke* [Fear and Expectations. Russia and Norway in the Twentieth Century]. Ed. by V.I. Goldin, J.P. Nielsen. Arkhangelsk, 1997, pp. 220–244.
13. Kan A.S. *Shvetsiya i Rossiya – v proshlom i nastoyashchem* [Sweden and Russia in the Past and Present]. Moscow, 1999.

14. Batsis P.E. *Russko-norvezhskie otnosheniya v 1905–1917 gg.*: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Russian-Norwegian Relations in 1905–1917: Cand. Hist. Sci. Diss. Abs.]. Moscow, 1973.

15. Kasiyan A.S. *Rossiya i Norvegiya, 1905–1914 gg.: Stanovlenie diplomaticheskikh otnosheniy*: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Russia and Norway, 1905–1914: Establishment of Diplomatic Relations: Cand. Hist. Sci. Diss. Abs.]. Moscow, 2009.

16. Karelin V.A. *Rossiyskie delovye interesy na arhipelage Shpitsbergen (1905–1925 gg.): issledovanie pravitel'svennoy politiki i predprinimatel'skoy initsiativy* [Russian Business Interests on Svalbard (1905–1925): A Study of Government Policy and Business Initiative]. Murmansk, 2011.

17. Karelin V.A. *Intsident v yanvare 1913 goda na Paz-reke na prazdnik Kreshcheniya i ego politicheskoe "ekho"* [The Incident in January 1913 at the Paatsjoki River During the Epiphany Holiday and Its Political "Echo"]. *Vestnik "Barents-tsentra" MGPU*, 2006, no. 5, pp. 60–70.

doi: 10.17238/227-6465.2016.1.32

Karelin Vladimir Anatolyevich

Murmansk Institute of Economics – Branch of Saint-Petersburg University of Management and Economics
7 Khalatina St., Murmansk, 183031, Russian Federation; *e-mail*: karelin_vladimir@mail.ru

Zaykov Konstantin Sergeevich

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov
17 Nab. Severnoy Dviny, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation; *e-mail*: k.zaikov@narfu.ru

SAMI EASEMENTS IN THE HISTORY OF RUSSIAN-NORWEGIAN BORDER RELATIONS IN THE EARLY 20th CENTURY

The article is devoted to one of the most sensitive issues in the history of Russian-Norwegian border relations of the early 20th century, namely Sami servitudes, or Lapp fishing rights, in Norway. The issue arose after the delimitation of Russian-Norwegian common districts in 1826 and later after the adoption of border regulations stipulated in the additional protocol of 1834. This border delimitation and introduction of cross-border fishing rules destroyed the traditional system of nature management of the Russian Sami living around the Russian-Norwegian frontier and infringed their fishing rights in Norway. The authors explore the emergence and development of this issue both within Russia and in the framework of Russian-Norwegian relations in the early 20th century. The question of Sami easements changed the perception of the border convention of 1826 among the Russian elite and made the central government realize the injustice of the new borders to the residents of the Arkhangelsk Province and formed prevailing revisionist opinions among the central authorities, which, however, could not be put into practice in the early 20th century due to the new geopolitical situation in the Arctic region. Norway's becoming independent in 1905 and its asymmetrical perception of bilateral relations gave rise to excessive politicization of the issue of Sami easements in Norway and a desire to eliminate them. In order to appease the young Norwegian state, Russian central authorities had to give up both the re-delimitation of the border and protection of Sami fishing rights in Norway by selling them. This research is based on archival sources, the majority being used in an academic study for the first time.

Keywords: *Paatsjoki River Sami, Sami easements, cross-border fishing, Russian-Norwegian border relations.*

Контактная информация:

Карелин Владимир Анатольевич
адрес: 183031, г. Мурманск, ул. Халатина, д. 7;
e-mail: karelin_vladimir@mail.ru

Зайков Константин Сергеевич
адрес: 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17;
e-mail: k.zaikov@narfu.ru